

XXXVI г.

№ 11

Выдаётся 19-го марта 1905 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 №№ „Парижских мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

Цена этого №—15 к., с перес. 20 к.

г. XXXVI

1905

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 3 (конецъ I т.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1905 г.

Съ приложениемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій
А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ
МОСКВУ въ конторѣ
И. И. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССУ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ришельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . . .

8 р.

За
границу **12 р.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ доставкою въ СПБ. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СПБ. 2 р., съ перес. иногороднымъ 2 р.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для гг. новыхъ подписчиковъ, желающихъ получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми приложениями,—еще ПЕРВЫЯ 20 книгъ соч. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, приложенныя въ 1904 г.: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ СПБ.—9 р.; въ Москвѣ у Н. Печковской—10 р.; 3) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образование“—10 р. 25 к. СЪ ДОСТАВКОЮ въ СПБ.—10 р. 50 к. СЪ ПЕРЕС. ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ—11 р. За границу—15 руб.

Телеграммы съ Дальняго Востока (въ Тихоновой пустыни, близъ Калуги). Фотографъ Влад. Челцова, авт. «Нивы».

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

Черезъ четверть часа официантъ позвалъ его внизъ, въ рубку. Тамъ, на одномъ изъ концовъ стола стоялъ приборъ, сковорода солянки, бутылка водки и рюмка.

— Водку уберите!—сказалъ Воротниковъ, бывшему тутъ же официанту:—а дайте мнѣ лучше...

— Пива прикажете?—договорилъ за него услужливый «человѣкъ».

— Ну, хоть пива,—согласился Константинъ Федоровичъ.

И принялся завтракать.

Блѣ онъ безъ всякаго аппетита, но послѣ соленой рыбы съ удовольствіемъ выпилъ холоднаго пива и, расплатившись, опять вышелъ наверхъ.

Около пяти часовъ пароходъ причалилъ къ монастырской пристани. Монастырскіе послушники, въ черныхъ подрясникахъ и круглыхъ шапочкахъ, встрѣчали богомольцевъ.

— Можно имѣть номеръ въ гостиницѣ?—обратился Константинъ Федоровичъ къ одному изъ нихъ.

— Пожалуйте,—отвѣтилъ тотъ, низко кланяясь, и пошелъ впередъ на берегъ.

Въ монастырской гостиницѣ Воротникову отвели небольшую комнатку съ выбѣленными известкой стѣнами, узенькой кроватью, съ деревяннымъ столикомъ и табуреткой.

— А подушку и одеяло можно достать?—спросилъ Константинъ Федоровичъ.

— Раздобуду!—отвѣтилъ отецъ-гостиникъ.

Въ ожиданіи всенощной, Воротниковъ пошелъ бродить по монастырскому кладбищу. Онъ зналъ, что гдѣ-то здѣсь погребенъ одинъ изъ его родичей и сталъ отыскивать могилу и нашелъ ее, сверхъ ожиданія, очень скоро. На большой, покосившейся плитѣ, обнесенной старой, ржавой желѣзной оградкой, имѣлась сильно вытертая уже надпись: «Здѣсь... прахъ... Божія... секунд-майора... Льва Гульяна... Воротникова... скон... прѣла... 1793... житія 68 лѣтъ. Праведни... упокоеваю...», разобралъ Константинъ Федоровичъ и подумалъ:

«Такъ вотъ праѣдѣдушка Левъ Ульяновичъ! Къ тебѣ твой правнукъ пришелъ. Помолись вмѣстѣ съ нимъ!»

И потомъ подумалъ:

«А могилу-то бы слѣдовало привести въ порядокъ».

И сейчасъ же отправился отыскивать завѣдываващаго кладбищемъ. А вмѣстѣ съ этимъ инокомъ онъ отправился къ отцу казначею и внесъ двѣсти рублей на исправленіе и охраненіе могилы.

«Итого—семьсотъ!—мысленно подсчиталъ онъ сегодняшнее пожертвованіе.—А вдругъ она откажетъ? Тогда вѣдь тѣ пятьсотъ-то рублей даромъ пропали».

Но, поймавъ себя на эти мысли, онъ покраснѣлъ даже и сейчасъ же пошелъ въ храмъ, къ всенощной.

Константинъ Федоровичъ рѣдко бывалъ въ церкви и къ религіи былъ вообще довольно равнодушенъ, но на этотъ разъ онъ молился и молился горячо. Онъ просилъ Бога, чтобы Онъ вразумилъ и просвѣтилъ его, и чтобы Людмила дала согласіе быть его женой, потому что если она будетъ его женой, онъ искренно общалъ дѣлать много добра, заботиться о бѣдныхъ, вообще стать хорошимъ человѣкомъ.

Послѣ всенощной, онъ въ транезной напился чаю, потомъ прошелъ въ свою комнату и, почти не раздѣваясь, легъ на узенькую, жесткую постель и уснулъ, скоро и крѣпко.

А на утро проснулся рано съ какимъ-то испугомъ въ сердцѣ: «Сегодня, вѣдь, рѣшится все»,—думалъ онъ, и

ему казалось, что отъ этого рѣшенія будетъ зависѣть жизнь или смерть.

Затѣмъ, онъ отправился къ ранней обѣднѣ, отстоялъ ее, причемъ молился еще горячѣе, чѣмъ вчера, даже слезы закипали у него въ глазахъ. А послѣ обѣдни поспѣшили на пристань, гдѣ стоялъ пароходъ, готовый уже отчалить.

Ни ѣсть, ни пить Константинъ Федоровичъ не могъ. Задумчиво бродилъ онъ взадъ и впередъ по палубѣ, то заглядывая внизъ, въ машину, то смотря черезъ бортъ на несущіяся мимо парохода струйки воды.

А пароходъ, какъ на зло, шелъ противъ теченія гораздо медленнѣе. Но вотъ вдаль показался городъ, и сердце Константина Федоровича мучительно заняло.

Когда онъ сошелъ съ пристани и сѣлъ на извозчика, то стукъ колесъ по мостовой едва не заставилъ его вскрикнуть: такъ болѣзненно были напряжены его нервы.

Подъѣзжая къ гостиницѣ «Римъ», Константинъ Федоровичъ соображалъ, что сейчасъ ему нужно будетъ перемѣнить крахмальную рубашку, почиститься и ѣхать на дачу къ Полтининымъ.

— Ужасно! Ужасно!—бормоталъ онъ про себя.

Взявъ внизу ключъ и шагая черезъ ступеньку, воѣжалъ онъ въ свой коридоръ. Рука его дрожала, когда онъ отпиралъ дверь номера. Въ комнатѣ его охватило затхлымъ, застоившимся воздухомъ. Сбросивъ шляпу и пальто, онъ осмотрѣлся, и вдругъ бѣлое пятно на преддѣланномъ столѣ привлекло его вниманіе. Онъ подошелъ и замеръ отъ ужаса: это было письмо. На конвертѣ не было ни марки, ни адреса, кромѣ его имени, отчества и фамиліи.

Сердце его не билось, когда онъ распечатывалъ это письмо. На листочкѣ толстой, слоновой бумаги было написано крупнымъ и твердымъ почеркомъ:

«Глубокоуважаемый Константинъ Федоровичъ! Чтобы не томить васъ напрасно, я вамъ пишу сегодня же. Мой отвѣтъ рѣшителенъ и неизмѣненъ: я не могу быть вашей женой. Простите. Людмила Полтинина».

Воротниковъ прочелъ разъ, два, три. Потомъ выронилъ письмо изъ рукъ, тяжело опустился на кресло, закрылъ лицо ладонями и замеръ.

XXV.

Прибывъ въ губернской городъ, четверо потылинцевъ, то-есть Чибисовъ, Курманаевъ, Тополевъ и Лыкошинъ, всѣ, конечно, остановились въ гостиницѣ «Римъ» и, едва занявъ номера, сейчасъ же справились о Константинѣ Федоровичѣ Воротниковѣ.

— Вторую ночь не ночуетъ-съ. Вчера пріѣхали послѣ полудня, пробыли у себя въ комнатѣ съ полчаса, ушли и вотъ опять до сихъ поръ нѣтъ.—отвѣчалъ имъ управляющій гостиницей.

Всѣ потылинцы встревожились и каждый по-своему. Павелъ Ивановичъ Чибисовъ прямо-таки растерялся: онъ всю дорогу сочинялъ разныя убѣдительныя рѣчи, которыми онъ долженъ былъ пронять Константина Федоровича и вернуть его на путь истины. Онъ даже представлялъ себѣ, какъ войдетъ къ Воротникову въ номеръ, разведетъ руками и скажетъ:

— Me voila! Можете себѣ представить, не ждали?

А затѣмъ уже примется убѣждать его одуматься, вспомнить, что онъ дворянинъ и т. д., и т. д., и т. д.

И вотъ теперь, сидя въ своемъ номерѣ передъ зеркаломъ за макияжемъ, онъ растерянно твердилъ:

— Ну, что же мнѣ дѣлать? Ну, что же мнѣ дѣлать теперь?

И по разсѣянности выводилъ одну бровь выше другой. Передъ нимъ, въ стаканѣ съ чистой водой, лежали

его вставные зубы, а на маленькомъ фарфоровомъ болванчикѣ былъ надѣтъ его хорошенькій кудрявый паричокъ. Разныя баночки съ красками и притираниями были разставлены на столѣ, и онъ то и дѣло ошибался и попадалъ пальцемъ не въ ту, въ которую нужно. А самъ все твердилъ.

— Me voila! Можете себѣ представить, что же дѣлать теперь?

Отставной маіоръ Курманаевъ, помѣстившійся въ соседнемъ номерѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, прихлебывая изъ стакана чай, курилъ толстѣйшія крученныя папирсы и тоже соображалъ, какъ поступить.

— Первымъ дѣломъ, заявить сысской полиціи,—вертѣлось въ его гладкоостриженной головѣ, а длинные его сѣрые усы шевелились, какъ тараканы.

А въ слѣдующемъ номерѣ Николай Васильевичъ Тополевъ возился съ совершенно расхворавшимся докторомъ Лыкошинымъ и тоже думалъ о Константиѣ Федоровичѣ.

«Гдѣ же это онъ можетъ вторую ночь пропадать?»—соображалъ онъ про себя и поглядывалъ на лежавшаго на диванѣ больного.

— Юрій Андреевичъ! Ну, а какъ съ вами-то поступить?—спрашивалъ онъ его.

— Никакъ. Отлежусь,—съ трудомъ отвѣтилъ докторъ.

А черезъ минуту, спросилъ:

— Ну, что же Воротниковъ-то?

— Да пропалъ! Вторую ночь въ гостиницѣ не ночуетъ. А знаете, я все-таки пошлю за какимъ-нибудь докторомъ.

— Хорошо. Тогда за Струмиловымъ, онъ мой товарищъ.

Въ это время въ ихъ номеръ вошелъ Никеша Слюзинъ. Увидавъ Лыкошина, онъ замеръ на мѣстѣ и поблѣднѣлъ.

— Что съ нимъ?—шопотомъ спросилъ онъ Тополева.

— Да видите, расхворался совсѣмъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Никеша, это вы?—тихо спросилъ больной.

— Я, Юрій Андреевичъ. Что съ вами?—на цыпочкахъ подходя къ больному, проговорилъ Никеша.

— Кранкенъ,—отвѣтилъ Лыкошинъ и, протянувъ ему руку, тихо сказалъ.—Спасибо за письмо! Теперь не умру!

И сейчасъ же закрылъ глаза.

— Голубчикъ, Никифоръ Ивановичъ!—обратился къ Никешѣ Тополевъ.—Бѣгите-ка вы сейчасъ за докторомъ. Разыщите Струмилова и тащите его сюда.

— Сейчасъ, Николай Васильевичъ,—отвѣтилъ Никеша и бросился изъ номера.

Тополеву, въ это время, подали телеграмму. Это кузина его жены извѣстила его, что она пріѣдетъ только завтра.

«И отлично!»—подумалъ Николай Васильевичъ, предвидя на сегодня не мало хлопотъ съ больнымъ Лыкошинымъ.

Черезъ полчаса пріѣхалъ докторъ Струмиловъ.

— Salve, collega!—проговорилъ онъ, подходя къ постели больного.

Но тотъ уже былъ въ забытій.

— Ну, что?—спросилъ Тополевъ доктора.

— Да что? Ничего. Что-жъ теперь можно сказать. Боленъ—вотъ и все,—отвѣчалъ тотъ, всматриваясь въ исхудавшее лицо товарища.—Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ онъ:—здѣсь, въ гостиницѣ, его оставлять нельзя.

— Куда же мы дѣнемъ его?—спросилъ Тополевъ.

— Гм! Куда? Надо будетъ ко мнѣ перевезти. Хоть и тѣсно у меня, да что дѣлать! Все-таки лучше, чѣмъ здѣсь, въ номерѣ. Ребятишекъ своихъ, чтобъ не шумѣли, удаю куда-нибудь...

— А у васъ дѣти?

— Лапша! Четверо: малъ-мала меньше! Къ тещѣ ихъ отправлю,—говорилъ докторъ, продолжая всматриваться въ лицо больного.

— Это стѣснить васъ!

— Ну, конечно, стѣснить; да объ этомъ думать нечего. Когда нужно, такъ и потѣснится слѣдуетъ.

— А перевезти-то его можно?

— Можно.

— Это вы меня перевозить хотите?—вдругъ спросилъ больной, не раскрывая глазъ.

— Да, тебя.—отвѣтилъ Струмиловъ.

— Да вотъ соображаемъ только, куда лучше!—добавилъ Тополевъ.

— Катай прямо въ больницу,—прошптала больной и опять забылся.

Въ дверь въ это время кто-то тихо постучалъ. Тополевъ выглянулъ: передъ нимъ стоялъ Ларіонъ Семеновичъ Полтининъ.

— Юрій Андреевичъ Лыкошинъ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Здѣсь-то здѣсь, да онъ боленъ совсѣмъ,—отвѣтилъ Тополевъ, не зная Полтинина въ лицо.

— Это намъ извѣстно. Сейчасъ ѣхалъ я съ дочерью, а намъ навстрѣчу купца Слюзина сынъ. Ну, и говорить, что Юрій Андреевичъ пріѣхалъ и совсѣмъ больной. Мы вотъ и сюда.

И Тополевъ только тутъ замѣтилъ, что на поворотѣ коридора стояла высокая, статная дѣвушка, одѣтая въ элегантнѣйшій городской костюмъ. И онъ поклонился ей.

Та сбѣжала къ нему два шага и протянула руку.

— Можно видѣть его?—спросила она.

— Право, не знаю. Что докторъ скажетъ.

— А докторъ ужъ тутъ?

— Тутъ.

— Струмиловъ?

— Да, онъ. Я сейчасъ вызову его къ вамъ.

И Тополевъ вернулся въ номеръ. А черезъ минуту оттуда вышелъ докторъ. Людмила такъ и бросилась къ нему:

— Скажите, опасенъ?—спросила она.

— Не знаю, право. Еще я его не излѣдовалъ. Во всякомъ случаѣ, серьезное что-то. Вотъ хочу перевезти его къ себѣ на квартиру. Одна бѣда—тѣснота страшная!—говорилъ докторъ.

— Послушайте! Зачѣмъ его къ вамъ перевозить? Лучше къ намъ, на дачу. У насъ и просторно, и воздухъ, и уходъ будетъ хорошій. Такъ вѣдь, отецъ? Можно?—обратилась она къ Ларіону Семеновичу.

Тотъ только утвердительно закивалъ своей лысой головой и проговорилъ:

— Дѣлай, дѣлай!

— А онъ, докторъ, ничего? Перенесетъ перевозку? Я сейчасъ карету пришлю, на пинахъ,—спрашивала Людмила.

— Конечно, перенесетъ. Я самъ съ нимъ поѣду.

Въ это время по лѣстницѣ поднялся Никеша Слюзинъ. Въ рукахъ у него былъ свертокъ.

— Вотъ, докторъ, привнесъ,—проговорилъ онъ, подавая его Струмилову.

— Тутъ и пузырь, и термометръ, и все, что вы говорили.

— Ну, и отлично,—сказалъ тотъ и, обращаясь къ Людмилѣ, проговорилъ:

— Ну, такъ присылайте же сейчасъ карету. Мы его и перевеземъ.

Людмила крѣпко пожала ему руку и, сказавъ Полтинину:

— Ыдемъ, отецъ!—быстро пошла внизъ по лѣстницѣ.

А докторъ съ Никешей вошли въ номеръ.

— Такъ гдѣ же Воротниковъ?—вдругъ спросилъ больной, раскрывъ глаза и даже слегка приподнявшись на диванѣ.

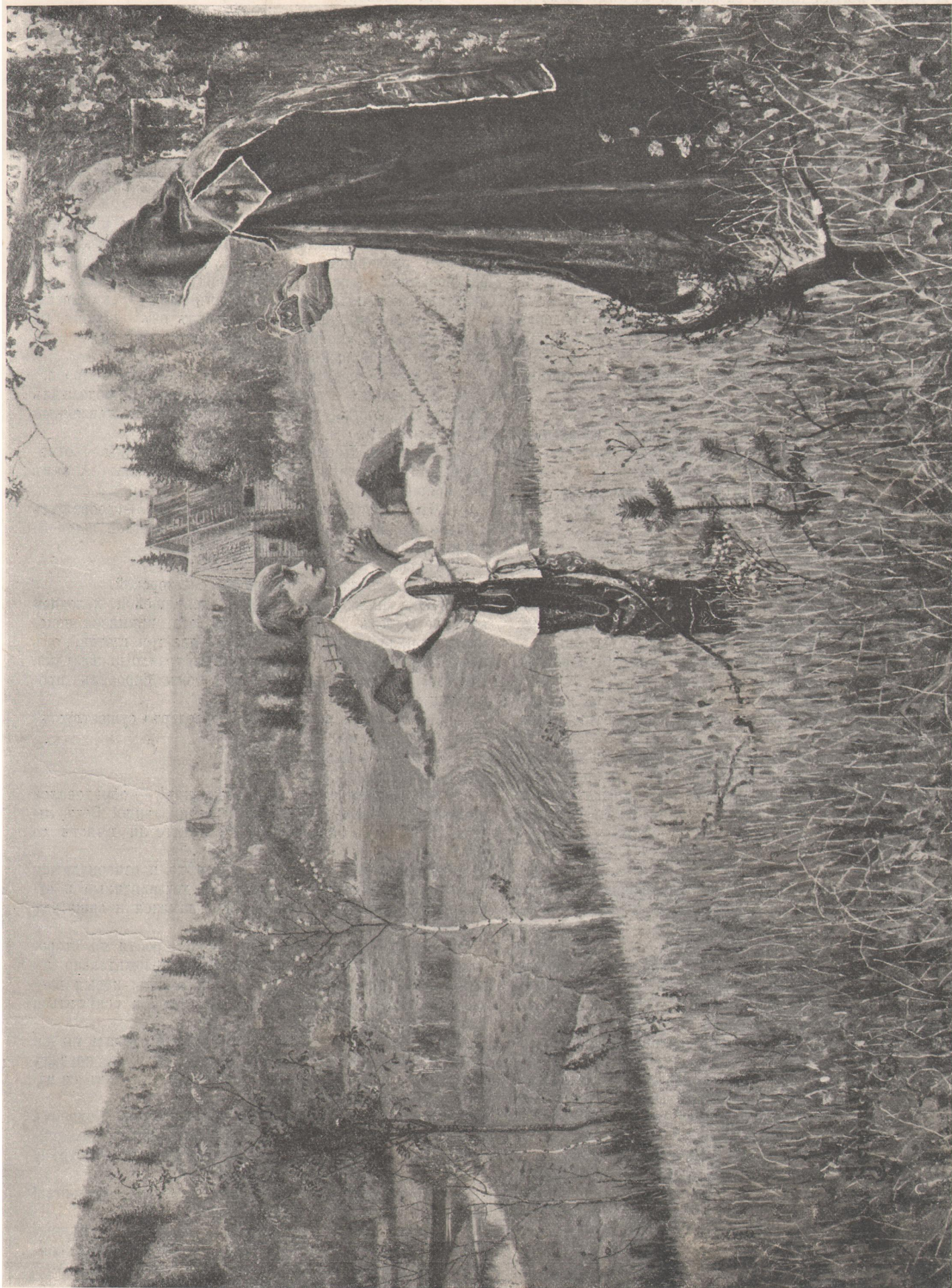
Но ему на это никто ничего не отвѣтилъ, только Струмиловъ, подойдя къ нему, сказалъ:

— Вотъ что, милый! Мы тебя сейчасъ перевеземъ въ хорошее мѣсто, такъ ты подбодрись малость!

Девятый день. Картина К. Савицкого, арт. «Нивы»

К. Савицкий
1905

Св. Сергій Радонежскій. Картина М. В. Нестерова, авт. «Ильвы».

— Куда?—спросилъ Лыкошинъ.

— На дачу къ Полтинину.

И вдругъ легкая улыбка скользнула по лицу больного, но онъ сейчасъ же закрылъ глаза и откинулся на подушки.

— Я къ отцу схожу, — шопотомъ сказалъ Никеша Тополеву. — Потомъ приду, чтобы помочь перевозить.

Тополевъ утвердительно кивнулъ ему головой, и Никеша вышелъ.

Старикъ Слюзинъ сидѣлъ въ своемъ номерѣ надъ развернутымъ чемоданомъ. Сына онъ встрѣтилъ косымъ, сердитымъ взглядомъ.

— Паленька! — обратился къ нему Никеша. — Позвольте мнѣ остаться здѣсь.

— Зачѣмъ это, когда жениться не хочешь?—проворчалъ старикъ.

— Сейчасъ Юрія Андреевича Лыкошина привезли, совсѣмъ-совсѣмъ больного. Его къ Полтининымъ на дачу перевозятъ, я бы помогъ поухаживать за нимъ. Номерокъ я себѣ возьму наверху, маленькій, недорого будетъ стоить, а все-таки около него я тутъ буду. Мало ли что понадобится можетъ.

Старикъ сидѣлъ, слушалъ и соображалъ и потомъ вдругъ сказалъ:

— Оставайся!

А затѣмъ, вынувъ изъ кармана толстый, засаленный бумажникъ, досталъ изъ него двадцатипятирублевую бумажку и, передавая ее сыну, прибавилъ:

— А вотъ тебѣ на расходы. Да одумайся ты, Никешка! Принцы такому счастью рады бы были, а ты нось воротить!

Никеша стоялъ, молча и погупивъ глаза:

— Ну, теперь вынь изъ чемодана, которое твое, да скажи, чтобъ мнѣ извозчика подрядили на пристань. Пора ужъ!

Черезъ десять минутъ, Иванъ Никифоровичъ Слюзинъ, перекрестивъ сына, и сказавъ ему на прощанье:

— Одумайся!—уѣхалъ на пароходную пристань.

А никешины вещи перенесли въ верхній коридоръ, въ маленькій, обѣ одно окно, номеръ.

Самъ же Никеша, въ это время, былъ въ комнатѣ больного Лыкошина, гдѣ, попрежнему, находились Тополевъ и докторъ Струмиловъ.

Наконецъ, приѣхала полтининская карета, и больного, почти на рукахъ, снесли внизъ, усадили въ просторный и покойный экипажъ, причемъ докторъ усѣлся съ нимъ вмѣстѣ, а Никеша взобрался на козлы, и карета тихой рысью поѣхала на дачу купца Полтинина.

XXVI.

Проводивъ больного, Николай Васильевичъ Тополевъ освѣжилъ номеръ и самъ переодѣлся и умылся, и отправился по дѣламъ, каковыя у него дѣйствительно были въ губернскомъ городѣ.

Почти вслѣдъ за нимъ вышелъ Егоръ Капитоновичъ Курманаевъ. Съ лицомъ заговорщика, онъ направился въ полицейское управленіе, имѣя въ виду лично переговорить съ полицеймейстеромъ, чтобы тотъ произвелъ розыскъ пропавшаго дворянина Воротникова, отнюдь не производя огласки.

Послѣ всѣхъ вышелъ Павелъ Ивановичъ Чибисовъ. Саново реставрированный и одѣтый въ какую-то легкомысленную, свѣтло-голубую пиджачную парочку и бѣлый, какъ снѣгъ, пикейный жилетъ, съ легкой чесучовой крылаткой на плечахъ и въ свѣтлыхъ шелковыхъ перчаткахъ, онъ остановился на крыльцѣ и сталъ помахивать тросточкой.

Стоявшій поблизости извозчикъ-лихачъ, принявъ это помахиваніе за сигналъ подавать, подѣхалъ къ Павлу Ивановичу.

— Куда прикажете, ваше сіятельство?—спросилъ онъ, почтительно приподнимая шляпу.

Павлу Ивановичу извозчикъ понравился, и онъ, по-

качиваясь своимъ круглымъ брюшкомъ, взобрался при помощи швейцара къ нему на дрожки и сказалъ:

— На бульваръ!

Лихачъ съ трескомъ покатилъ его по губернской мостовой. Павелъ Ивановичъ подпрыгивалъ на сидѣннн, то и дѣло хватался рукой за шляпу, готовую съхватить на бокъ, но извозчика не останавливалъ: ему нравилась эта лихая ѣзда.

Доѣхавъ до бульвара и сказавъ извозчику:

— Ты меня подожди!—онъ слѣзъ—помогъ подбѣжавшей городской—съ дрожекъ и пошелъ по аллеѣ.

Гуляющихъ попадалось мало: двѣ-три няньки съ дѣтьми сидѣли на скамейкахъ, да проходили все какія-то чуйки да коломьянковые пиджаки.

Поровнявшись съ кіоскомъ, гдѣ продавали минеральныя воды, Павелъ Ивановичъ замѣтилъ въ немъ молоденькую продавщицу, углубленную въ чтеніе какой-то растрепанной книжки. Продавщица показала ему смазливенькой, и Павелъ Ивановичъ свернулъ къ кіоску.

— Что это вы читаете?—спросилъ онъ дѣвушку, не безъ удивленія смотрѣвшую на появившагося передъ ней этого раскрашеннаго старичка.

— Романъ.—отвѣтила она на повторенный вопросъ.

— А! Романъ! А какой же это романъ?—продолжалъ Павелъ Ивановичъ, усаживаясь на стулъ, поставленный возлѣ прилавка.

— Не знаю. Первые-то страницы вырваны.—отвѣтила, слегка гнусава, продавщица и спросила:—А вамъ что прикажете?

— Что мнѣ? Вотъ ужъ, право, не знаю.—соображалъ Павелъ Ивановичъ, обмахиваясь своей легкой шляпой-панамой.—Виши у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ дайте мнѣ просто сельтерской.

Дѣвушка налила ему стаканъ искрящейся холодной воды, и Павелъ Ивановичъ, взявъ его, принялся понемногу прихлебывать. Но сдѣлавъ два-три глотка, онъ почувствовалъ, что у него сильно забурлило въ желудкѣ. Понявъ, что ему хочется ѣсть, онъ спросилъ продавщицу:

— А что у васъ ресторанъ «Бельведеръ» существуетъ?

— Существуетъ.

— А кто его держитъ?

— Моисеевъ.

— А! Попрежнему, Лука Моисеичъ!—обрадовался Павелъ Ивановичъ:—ну, вотъ и великолѣбно! Вотъ мы туда и пойдемъ завтракать! Не хотите ли вмѣстѣ со мной?

Дѣвушка только прыснула отъ смѣха и отвернулась.

А Павелъ Ивановичъ, положивъ двугривенный и отказавшись отъ сдачи, вѣжливо раскланялся и зашагалъ дальше.

Онъ шелъ, слегка пританцовывая, бросая по сторонамъ привѣтливые взоры. Онъ былъ положительно доволенъ, что приѣхалъ въ губернской городъ: новыя впечатлѣнія, новыя лица — нужно же, вѣдь, и освѣжиться иногда!

По дорогѣ до «Бельведера» онъ успѣлъ сдѣлать глазки какой-то торговкѣ яблоками, и чуть было не послалъ воздушнаго поцѣлуя какой-то старушкѣ, принявъ ее издали за молоденькую.

Но вотъ и ресторанъ. Вотъ и самъ Лука Моисеичъ стоитъ на ступеняхъ крытой террасы. Увидавъ входившаго Павла Ивановича, онъ бросился къ нему навстрѣчу и, низко кланяясь, привѣтствовалъ его.

— Здравствуйте, батюшка, ваше превосходительство! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— Здравствуйте! Здравствуйте, голубчикъ! — зашепелявилъ Павелъ Ивановичъ, протягивая Моисеичу кончики пальцевъ.—Ну, что новаго?

— Да что новаго? Все по старому, ваше превосходительство! Вы вотъ какъ изволите?

— Я что-жъ, я отлично! Вотъ, къ вамъ позавтракать пришель!

— Очень благодарны! Постараемся! Наверху, на балкончикъ не прикажете ли? Тамъ одинъ кабинетъ еще свободный есть.

Павель Ивановичъ поднялъ глаза кверху и увидѣлъ смотрѣвшаго на него черезъ барьеръ балкона Константина Федоровича Воротникова.

— Ба! Константинъ Федоровичъ! Можете себѣ представить! Вы здѣсь? А я, можете себѣ представить, васъ ищу! Именно васъ! Да, да! Да!

Воротниковъ смотрѣлъ и молчалъ. Волосы его были въ беспорядкѣ, лицо красно, глаза глядѣли тупо. Но Павель Ивановичъ ничего этого не замѣтилъ и, въ сопровожденіи хозяина, который поддерживалъ его подъ локотокъ, пошелъ наверхъ.

— Me voila! Можете себѣ представить, не ожидали?— выговорилъ-таки, наконецъ, Павель Ивановичъ давно приготовленную фразу, входя въ кабинетъ къ Воротникову.

Но тотъ даже не пошевелинулся, только голову повернулъ въ его сторону.

Павель Ивановичъ протянулъ къ нему обѣ руки. Воротниковъ тоже протянулъ обѣ руки, думая, вѣроятно, что это такъ именно и нужно сдѣлать.

Онъ былъ совершенно пьянъ.

Передъ нимъ стояла бутылка коньяку, рюмка и ваза съ апельсинами.

— А вы ужъ позавтракали? — спросилъ его Павель Ивановичъ, присаживаясь къ столу.

— Позавтракалъ, — мрачно отвѣтилъ Воротниковъ.

— Очень жаль! Очень жаль! А я собираюсь завтракать! Это вамъ не помѣшаетъ? Нѣтъ? Прекрасно!

И онъ принялся обсуждать съ хозяиномъ меню завтрака.

— Здѣсь хорошіе маринованные хрящи! — вдругъ совершенно твердымъ голосомъ вставилъ Константинъ Федоровичъ.

— Маринованные хрящи? А! C'est delicieux! — воскликнулъ Павель Ивановичъ и приказалъ себѣ дать маринованныхъ хрящей.

— И листовка! — уже менѣе твердо договорилъ Воротниковъ.

— Прекрасно! Дайте мнѣ и листовки! — подтвердилъ Павель Ивановичъ.

Хозяинъ, принявъ заказъ, вышелъ, а Павель Ивановичъ обратился уже къ Воротникову.

— Cher! Cher Константинъ Федоровичъ! — шепелявилъ онъ. — Можете себѣ представить! Задали же вы намъ задачу! Всѣ мы тамъ такъ перепугались! И ваша maman, Нина Сергѣевна! Ужасно! Ну, она сейчасъ же за мной: «отыщите, говорить, и спасите!» Et voila! Quel chance! Je suis ici avec vous! Но понимаете, можете себѣ представить, этотъ переполохъ! Imaginez-vous! «Махорка» вѣдь, тоже здѣсь! Онъ тоже васъ ищетъ! Но что же онъ можетъ, imbécile! А! вотъ и листовка, и хрящи! Вы не хотите листовки? Впрочемъ, pardon! Вы пьете уже коньякъ!.. Ну, а я, я выпью! Imbécile! «Махорка!» «Мамай!» Ну, что онъ можетъ?.. Но такой переполохъ! Купеческая дочь! Свадьба! Тайный побѣгъ! Horrible!

— Никакой купеческой дочери нѣтъ... и свадьбы тоже нѣтъ, — проговорилъ Воротниковъ и, наливъ себѣ рюмку коньяку, сразу хлопнулъ ее до дна.

— Ну, вотъ и я тоже говорю! Quelle idée! Chère, Нина Сергѣевна! Онъ — вашъ сынъ! И вдругъ — купеческая дочь! Можете себѣ представить, quelle idée!

Павлу Ивановичу начали уже подавать завтракъ. Онъ принялся, по обыкновенію, пить и ѣсть жадно, почмокивая, пососывая губами и кроша себѣ на салфетку. Его выщѣпшіе, тусклые глаза начинали уже маслиться.

Константинъ Федоровичъ, позабывъ коньякъ, пилъ

съ нимъ какое-то вино и тоже что-то не то что ѣлъ, а жевалъ.

Павель Ивановичъ, которому вначалѣ показалось-было, что Константинъ Федоровичъ какъ будто не въ себѣ, теперь уже ничего не замѣчалъ.

Къ нимъ кто-то постучалъ въ кабинетъ.

— Entrez! — крикнулъ Чибисовъ.

Вошелъ юркій, вездѣсущій Ахмаровъ. Павель Ивановичъ зналъ его уже давно, но теперь врядъ ли могъ узнать, кто это, тѣмъ не менѣе, очень нѣжно расцѣловался съ этимъ губернскимъ «шिकासетомъ» и предложилъ ему стаканъ вина.

Тутъ почему-то появилось шампанское. Ахмаровъ торопливо выпилъ стакана три и куда-то исчезъ: ему всегда было некогда. Вскорѣ послѣ ухода Ахмарова опять раздался стукъ въ дверь и на «entrez» Павла Ивановича вошелъ Юнашовъ.

Онъ прямо направился къ Воротникову, но увидавъ незнакомаго человѣка, приостановился. Но Павель Ивановичъ протянулъ ему обѣ руки и крикнулъ:

— Joyez le bien venue!

Тогда Юнашовъ представился ему и обратился къ Воротникову.

— Вы еще все здѣсь? — тихо и испуганно произнесъ онъ.

— Все здѣсь, — безпомощно покачивая головой, отвѣтилъ тотъ и потомъ, указавъ на стулъ, добавилъ: — Садитесь и пейте.

Юнашовъ сѣлъ.

— Вы знаете новость? — заговорилъ онъ. — Привезли доктора Лыкошина, совершенно-совершенно больного и отравили его на дачу къ Полтиннымъ.

Воротниковъ посмотрѣлъ на него напряженнымъ взглядомъ и, какъ бы дѣлая усилие, спросилъ:

— Стало-быть, Людмила больна?

— Нѣтъ, не Людмила, а докторъ Лыкошинъ! — поправилъ Юнашовъ.

— Да, да, да! Докторъ Лыкошинъ! — подхватилъ Павель Ивановичъ: — его привезли вмѣстѣ со мной... competement malade! Можете себѣ представать! Competement! А еще докторъ!

— Э! Все равно! — мрачно проговорилъ Воротниковъ и махнулъ рукой, причѣмъ чуть не сшибъ стаканъ со стола.

Вчера, прочитавъ письмо Людмилы и проведя послѣ этого полчаса въ какомъ-то оцѣпенѣніи, Константинъ Федоровичъ вышелъ изъ гостиницы и сталъ безцѣльно бродить по городу. Что-то страшное давило его, и даже мысль о самоубійствѣ нѣсколько разъ приходила ему въ голову.

«Теперь опять, назадъ, къ старому! — съ ужасомъ думалъ онъ. — Опять та же жизнь, опять тотъ же ужасъ пустоты».

Бродя, онъ попалъ на бульваръ и встрѣтился тамъ съ Юнашовымъ. Сначала онъ-было бросился отъ него въ сторону, но потомъ вдругъ одумался и самъ пошелъ къ нему навстрѣчу. Онъ почувствовалъ въ немъ товарища по несчастью.

Юнашовъ предложилъ ему зайти въ «Бельведеръ» и выпить. И они зашли и выпили. А во хмелю Константинъ Федоровичъ рассказалъ свое горе. И они пили до поздней ночи. Болѣе привычный къ этому Юнашовъ охмелѣлъ меньше, и хотѣлъ-было Воротникова отвезти въ гостиницу, но тотъ сказалъ, что домой онъ ни за что не хочетъ.

Тогда Юнашовъ привезъ его къ себѣ, въ свою уютную комнатку, и уложилъ его спать на своей постелѣ, а самъ спалъ на стульяхъ. А утромъ они опять попали въ «Бельведеръ», завтракали, и ужъ окончательно подружились.

Потомъ Юнашовъ уходилъ домой — поспать немножко, — а вернувшись, засталъ Воротникова въ обществѣ этого старика.

Миніатюры.

К. Льдова.

Красота.

Мы все волшебники.

Стоит нам полюбоваться каким-нибудь предметом, — и он уже заворочен.

Он сдѣлался прекрасным!

Смотрѣли вы въ микроскопъ на плѣсень? Какая прелесть красокъ и очертаній!

Какъ дивно прекрасны опавшіе листья! Разочаровать предметы легко. Перестаньте любоваться ими, — они отомстятъ вамъ своєю пошлою обыденностью.

На моихъ глазахъ одно чудное дерево превратилось въ дрова!

На гробницѣ послѣдняго челоука плачущій ангелъ начертаетъ слова:

«Красота умерла.

«Горе намъ, постигающимъ сущность явленій!»

Образъ.

Разбираясь въ лавкѣ старьевщика, я нашелъ подъ грудой завали почерѣвшую отъ времени доску, покрытую живописью. Я потерялъ слой пыли, освѣившій на краяхъ.

Съ доски, точно изъ темнаго окна, выглянуло чье-то изможденное лицо съ загадочными, глубоко занавишими, глазами.

Я узналъ эти глаза. Я понялъ, что это за живопись.

Она все еще хороша. Время, смягчивъ рѣзкую сухость красокъ и очертаній, придало имъ приеущее стариннымъ вешамъ блеклое очарованіе.

Но мощная, властная жизнь уже отлегла. Грѣшникъ не содрогнется передъ этимъ взоромъ, страждущій не почерхнетъ въ немъ утѣшенія.

Скорбныя уста онѣмѣли. Что имъ, изысканная любознательность случайнаго собирателя рѣдкостей, имъ, говорившимъ вѣчности и міру?

О, всеобъемлющая душа челоучества! Сколько чудныхъ образовъ похоронено въ твоихъ сумрачныхъ вѣдрахъ! Кто извлечетъ ихъ оттуда? Кто съ молитвою и упованіемъ снова опустится передъ ними на колѣни?

Волчокъ.

Храмъ Соломона. Звучатъ тимпаны. Дымится жертвенная кровь. Первосвященникъ славитъ Единаго.

Святая Святыхъ закрыта тяжелой завѣсой. Тамъ пребываетъ Невѣдомый. Ликъ Его грозенъ, взоръ поражаетъ. Смертные, трепещите!

За толпою левитовъ скучалъ маленькій мальчикъ. Онъ тихо спускалъ волчокъ и побѣждалъ за нимъ въ догонку.

Волчокъ, жужжа, какъ пчела, юркнулъ подъ запретную завѣсу.

Никѣмъ не замѣченный, ребенокъ приподнялъ край ея и увидѣлъ, что тамъ пусто.

Схвативъ свою игрушку, онъ спокойно вернулся къ молящимся. Мальчикъ не подозрѣвалъ, что Невѣдомый оберегаетъ его отовсюду.

Счастье.

Было холодное декабрьское утро.

Я смотрѣлъ на небольшое узкое окно, исполоеванное желѣзною рѣшеткой.

Оно было помѣщено такъ высоко, что я не видѣлъ ничего, кромѣ пасмурнаго неба.

Меня лихорадило. Зубы мои стучали отъ озноба. Душа болѣла отъ воспоминаній.

Теперь у меня не осталось никого близкаго. Никто не пожалѣетъ меня, и я ничего не жалѣю. Даже свободы...

Будущее не обманываетъ меня никакой надеждой.

Погруженный въ свои размышленія, я смотрѣлъ на окно, просвѣтлѣвшее надъ моею головою. Оно подернулось инеемъ. Черезъ нѣсколько времени я различилъ неопредѣленные очертанія какихъ-то растений.

Морозъ добавлялъ пушику за пушикой. Я вематривался пристальнѣе. На окнѣ расцвѣтали причудливые папоротники, пальмы...

Вдругъ ярко вспыхнуло зимнее солнце. Чудныя растенія разгорѣлись огненными блестками.

Я забылъ о себѣ.

Я смотрѣлъ-смотрѣлъ, все существо мое превратилось въ восторженное, ненасытное созерцаніе.

Я закрылъ глаза.

Я не могъ вынести такой ослѣпительной красоты, такого мучительнаго счастья!

Униженный инвалидъ.

— Удивительно живучъ челоукъ! Вы знаете, у меня отрѣзана нога. Когда дуетъ сѣверный вѣтеръ, я попрежнему ощущаю въ ампутированной ступнѣ ноющую боль. Конечно, это самообманъ, но, въ душѣ, я увѣренъ, что нога моя оживаетъ!

Такъ говорилъ мнѣ старый воинъ, гордясь и своею раной, и чудеснымъ творчествомъ своихъ воспоминаній.

Я молчалъ, не желая огорчать его.

Я вспомнилъ, что бываетъ съ нѣкоторыми кристаллами, если ихъ ломаютъ. Въ растворъ своего вещества обломки быстро нарастаютъ, возстановляя первоначальныя очертанія. Кристаллъ воскресаетъ.

Ходули.

Въ углу моей рабочей комнаты стоятъ дѣдушкины ходули. Нара толстыхъ шестовъ съ петершимися подножками.

Въ дѣтствѣ я очень увлекался ими. Какъ пріятно было сразу вырастать, смотрѣть сверху внизъ и шагать, шагать, пожирая ногами пространство! Я мечталъ взобраться на такія ходули, чтобы люди казались не больше куколъ. Я былъ убѣжденъ, что держусь крѣпче всехъ на ходуляхъ.

Первыя же дѣтскія книги поразили меня горькимъ разочарованіемъ. Все сочинители, все до единаго, поематриваютъ на меня свысока, щеголяютъ на ходуляхъ.

Я снова почувствовалъ себя маленькимъ и жалкимъ.

Но мѣръ того, какъ я подрасталъ, чувство удрученія усиливалося. Дошло до того, что мнѣ стало, наконецъ, казаться, будто съ годами я дѣлаюсь все меньше, — я, который самъ собирался взобраться на такія высокія ходули!

Все назидаютъ, учатъ, приказываютъ. Изъ каждаго газетнаго листа торчатъ деревянныя палки. Съ каждой пары наступившихъ шестовъ грозятъ указательнымъ пальцемъ!

Я нѣсколько разъ покушался съечь дѣдушкины ходули. Но что-то удерживало меня. Мнѣ было смѣшно и стыдно. Къ чему эта игра въ самоубійство? Вѣдь, я все равно не разучусь ходить на ходуляхъ.

Дѣлать нечего, надо имѣть мужество не отрицать своей привычки.

Теперь мнѣ предстоитъ маленькое путешествіе. Неподалеку. Всего на три фута въ землю.

Не забудьте положить въ мой послѣдній дорожный сундукъ дѣдушкины ходули.

Наши раненые въ бою подь Дашичао. На вокзалъ, въ ожиданіи поезда.
Рисунокъ нашего спеціального корреспондента Н. С. Самокиша, авт. «Нивы».

Подъ Мукденомъ.

(Отклики войны).

Трудно передать словами то напряженное состояние, которое переживалось Россіей въ эти дни трепетнаго ожиданія рѣшительной развязки титаническаго единоборства, происходящаго вокругъ Мукдена. Радостное волненіе, надежды на близкую побѣду и смутная тревога опасеній волнами проходили по миллионамъ сердецъ, заставляя ихъ мучительно сжиматься. Въ счастливый исходъ генеральнаго сраженія и вѣрилось, и не вѣрилось въ одно и то же время. Такъ хотѣлось рѣшительнаго торжества послѣ столькихъ неудачъ и отступленій, полнаго реванша противнику за пѣлый годъ мучительныхъ страданій, нанесенныхъ русской арміи и русскому національному чувству. Наши доблестныя войска, повидимому, прониклись тѣмъ же чувствомъ, тою же мыслью, и въ отраженіи невѣроятно упорныхъ атакъ противника выказывали, съ своей стороны, небывалую стойкость, о которую разбивались, какъ волны о скалу, бѣшенныя штурмы разъяренныхъ японцевъ. Въ этомъ кровавомъ состязаніи двухъ народовъ въ героизмъ, му-

жествъ и самоотверженности совершалось нѣчто такое, чего не видѣлъ міръ: съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ земля, никогда ужасы войны не достигали такихъ предѣловъ. Желѣзная настойчивость враговъ,

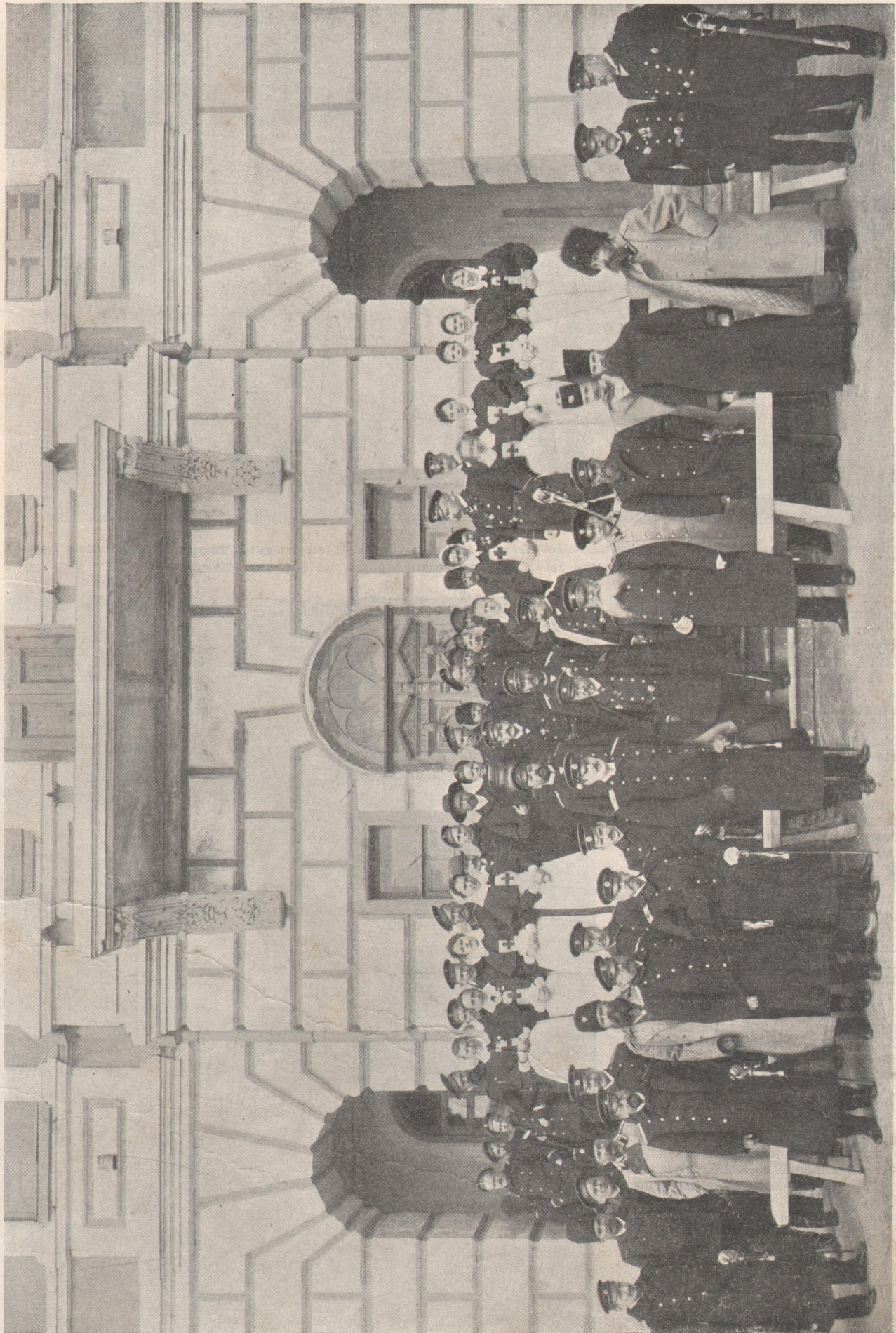
громадность сосредоточенныхъ армій и безконечно усовершенствованная техника разрушенія — придаютъ событіямъ грандіозный масштабъ. «Представьте себѣ полосу въ сто двадцать верстъ длиною и верстъ десять шириною, съ смертоноснымъ навѣсомъ разрывающихся шрапнелей, сплошь переплетенную нитями изъ ружейныхъ и пулеметныхъ пуль, пронизывающихъ во всѣ стороны тысячи людей, испещренную на каждомъ десяткѣ сажень колоссальными смерчами шимозъ и шестидюймовыхъ снарядовъ, сметающихъ, какъ пылинки, цѣлыя деревни — и вы получите слабую картину мукденскаго боя», — говоритъ одинъ изъ очевидцевъ его. И въ этомъ аду люди находились двѣ недѣли, безъ сна, безъ отдыха и покоя, въ постоянномъ напряженіи, въ ежеминутной готовности разстаться со всѣми радостями и ужасами жизни.

Группа офицеровъ и фейерверкеровъ 12 крѣпостной артиллерійской роты, около неразорвавшагося 12-ти дюймаго японскаго снаряда, упавшаго на батарею.
По фот. авт. «Нивы».

На Путиловской солкѣ. „Неприятельскій приварокъ“. Осколокъ японскаго снаряда, попавшій въ котелокъ съ пищей.
Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Адмирал князь Владимир Ухтомский. Адмирал князь Кирилл Владимирович. С. О. Макаров (ф). П. А. Моласъ (ф). Адмиралъ Великий князь Владимиръ. Адмиралъ князь Кирилл Владимировичъ. С. О. Макаровъ (ф). П. А. Моласъ (ф). Адмиралъ князь Владимиръ Ухтомский. По фотографии, снятой в мартѣ 1904 г., арт. «Нивы».

В. В. Кривошеинъ, фотографъ. В. В. Кривошеинъ, фотографъ. В. В. Кривошеинъ, фотографъ.

1) Подполковник Яблочкин. 2) Генераль-майор Кашталинский. 3) Генераль-лейтенант Иванов. 4) Генераль-майор Шверин. 5) Подполковник Горский. Георгиевские кавалеры 3-го сибирского армейского корпуса. По фот. авт. «Нивы».

Они утратили всякое чувство самосохранения, презирали носившуюся над ними огненными вихрями смерть и изумляли друг друга умением умирать. Лучшая японская войска—императорская гвардия—повидимому, овладела этим искусством в совершенстве. Против деревни Кондоисань она повторяла под ряд одну за другою девятнадцать безумных атак, и храбрые самоотверженные батальоны бесплодно таяли под нашими залпами. Свое презрение к смерти они довели чуть не до массового харакири на глазах врага. Русские полки не уступали им в мужестве, и в решительную минуту, под невзвратным убийственным огнем неприятеля, сметавшим все живое, шли в атаку с развернутыми знаменами и музыкой, выбивая его штыками из занятых позиций.

В более или менее систематическом обозре порядков событий на манчжурском театре военных действий был таков:

После неудачного натиска генерала Гриппенберга на левый фланг японцев, несколько ослабившего наши силы, маршал Ояма, подкрепленный корпусом генерала Ноги, пятою манчжурскою армиею и ввзвратно войсками китайского генерала Ма, перешел в наступление правым крылом своей армии, которым командует энергичный и решительный генерал Куроки. В прошлом обозрении мы проследили движение восточной японской армии до занятия Цинхенчена и Далинского перевала. Очистив последний, отряд генерала Ренненкампа, состоящий главным образом из кавалерии, отошел на север к главным силам генерала Леневица. Перевалив через Далинь, волна японского наступления остановилась, встретив энергичное сопротивление по линии заблаговременно укрепленных русскими позиций у Кудзя, Дамогушана, Мадзядяня, Каутулина и Кандоисана. Таким образом, в течение почти двух недель все левое крыло русской армии было в непрерывном огне. Наиболее яркое описание левобланговых боев, дополняющее краткие показания официальных донесений, дает талантливый и правдивый военный корреспондент «Новаго Времени» Толузаков. Ближайшею целью японцев было, прорвавшись у д. Кудзя, проникнуть в долину верхнего течения Хунха, отрезать расположенный в Синзинтинь отдельный русский отряд

Группа офицеров приморского драгунского полка. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Способъ перевозки раненыхъ терско-кубанскими казаками. По фот. авт. «Нивы».

и захватить этотъ городъ, имѣющій огромное стратегическое значеніе, какъ пунктъ пересѣченія дорогъ отъ верховья Ялу, изъ сѣверной Кореи, изъ Мукдена, изъ Гирина и Тѣлина, при чемъ открытый путь въ Тѣлинь угрожалъ бы русскимъ возможностью захода всѣми силами Куроки въ тылъ нашей арміи, стоящей у Мукдена. Все это дѣлаетъ понятнымъ то упорство, съ которымъ даже наши передовые отряды сопротивлялись наступленію Куроки. Однимъ изъ выдающихся авангардныхъ дѣлъ надо признать оборону нашей позиціи у Убеньпудза и на Хумандинскомъ перевалѣ.

Лѣвый флангъ авангарда, прикрывавшій путь отступленія на наши главныя позиціи у Типилтая, понесъ сильныя потери, вслѣдствіе чего отодвинулся до 50 сажень назадъ, что дало возможность японцамъ, въ случаѣ необходимости, обстрѣливать дорогу отъ Хумандинскаго перевала. Между тѣмъ, положеніе соед-

няго отряда было чрезвычайно тяжелое. Его обходили съ обѣихъ фланговъ и вынудили отступить. Отходъ по дорогѣ, которую могли обстрѣливать японцы, куда они—это было очевидно—толкали насъ, сдѣлался уже невозможенъ, и тогда, для соединенія съ главными силами, стали отходить съ боемъ по горной тропинкѣ, но по ней не могли пройти двуколки съ патронами и ранеными (болѣе 100 человекъ); онѣ были направлены по дорогѣ, которую уже обстрѣливалъ артиллерійскимъ огнемъ противникъ. Къ счастью, конвой и двуколки благополучно проскользнули, избѣгнувъ потерь. Огнемъ батареи сбиты два неприятельскіе пулемета. Наконецъ,

Первый летучій отрядъ Краснаго Креста. Д-ръ Пуссепъ, братъ милосердія и студентъ Калыша. По фот. авт. «Нивы».

Часовой и подчасокъ на Уанфулинскомъ перевалѣ. По фот. авт. «Нивы».

Раненые въ баракахъ 2-ой георгиевской общины.
По фот. авт. «Нивы».

около 5 часовъ дня ему удалось присоединиться къ главнымъ силамъ, не оставивъ у неприятеля ни одного раненаго, ни одной дуэлки. Въ 2 часа дня японцы произвели атаки 10 батальонами, но были отбиты. Въ 5 часовъ они повторили ее, но безрезультатно и, наконецъ, въ 6 часовъ вечера японцы снова шли на приступъ съ необычайнымъ остервенѣниемъ, но нашъ авангардъ, подъ начальствомъ подполковника Полянского, отбросилъ ихъ, нанеся имъ большія потери. Къ сѣверу отъ Мадзядня, въ 8 верстахъ, лежитъ деревня Хуалинза, отъ нея отходитъ дорога на востокъ черезъ Тунсыхолинскій перевалъ на деревню Сямогушани, которая южнее Кудязы на 5½ верстъ. «15-го февраля, съ 11 часовъ утра, японцы, — сообщаетъ г. Толузаковъ, — одновременно атаковали наши войска на Тунсыхолинскомъ перевалѣ и у Кудязы; несмотря на огонь неприятельскихъ орудій, мы отбили эти атаки. До 2 часовъ дня японцы ограничивались только тѣмъ, что обсыпали насъ шимозами и шрапнелью. Въ 2½ часа наступленіе повторилось, и опять-таки безъ всякаго успѣха для японцевъ, а въ 4 часа дня подполковникъ Мартышевскій отбросилъ противника впереди перевала, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ. Въ это же время сосѣдній отрядъ перешелъ самъ въ наступленіе изъ Кудязы на Сямогушань; неприятель отступилъ, оказывая упорное сопротивление; каждую пядь земли приходилось брать съ боя. Къ вечеру, въ 11 час., все затихло. Такимъ образомъ, за 15-е февраля мы удержали всѣ позиціи на югѣ и продвинулись впередъ на востокъ нашимъ крайнимъ лѣвымъ флангомъ; кромѣ того, сосѣднія войска присоединились къ главнымъ силамъ, выйдя изъ опаснаго изолированнаго положенія.

«На слѣдующій день, 16-го февраля, противникъ, съ шести часовъ утра, большими колоннами, повелъ наступленіе на центръ нашихъ позицій у Убаньюуза. На блѣдомъ снѣгу отчетливо были видны

ихъ цѣпи, по частямъ переобгвашии впередъ ближе и ближе. Вотъ залегли и открыли пачечный огонь; гореть нашихъ стрѣлковъ съ подполковникомъ генеральнаго штаба Владиміромъ Михайловичемъ Можейко сдерживаетъ еще ихъ въ передовомъ окопѣ. Огонь нашихъ винтовокъ словно теряется въ ружейной трескотнѣ японцевъ, которые, несмотря на страшныя потери отъ русскихъ шрапнелей, уже подошли къ окопу и лѣзутъ на него. Ураганъ несетъ: слышны ихъ торжествующіе крики; окопъ надо взять, въ немъ уже никого не осталось, кромѣ подполковника Можейко. Можейко палъ, а съ сосѣднихъ окоповъ наша пѣхота, которую тоже тѣснили японцы, бросилась на противника и штыками выбила его, и стала пробивать дорогу къ тѣлу Можейко; заговорили вершины горъ, занятыхъ японскими батареями, цѣлый свинцовый градъ сыпался на смѣльчаковъ; тогда имъ приказали отойти назадъ; окопъ остался нейтральнымъ; къ нему ползутъ трое стрѣлковъ, двоихъ на мѣстѣ кладутъ неприятельскія пули, а третьему, Ильѣ Плюско, удается снять вооруженіе и карты съ убитаго Можейко; тутъ же, подъ огнемъ неприятеля, онъ отрѣзываетъ погоню съ мертваго японца, захватывая его винтовку, и благополучно возвращается къ своимъ. На погонѣ цифра 44 даетъ полное доказательство, что противъ насъ часть войскъ генерала Ноги.

«Особенно тяжело приходилось первые дни нашимъ

отдѣльнымъ отрядамъ, принужденнымъ защищать важныя стратегическіе пункты противъ превосходныхъ силъ неприятеля. Однимъ изъ такихъ пунктовъ оказались деревни Кудязы и Мадзядня, которымъ японцы угрожали обходомъ и фронтальной атакой одновременно. Понимая невозможность пропустить насѣдающаго врага въ тылъ расположенія арміи и открыть ему дорогу наступленія, начальникъ отряда отдалъ приказъ, что самъ не отойдетъ отъ Мадзядня, хотя бы для этого пришлось пожертвовать всѣмъ отрядомъ. Спокойно, пожалуй даже равнодушно, мы приняли это распоряженіе. Отъ насъ требуютъ, чтобы легли на своихъ позиціяхъ костью — ну, и ляжемъ. Безсонныя, тревожныя ночи подъ огнемъ противника, постоянное нервное напряженіе, недобданіе, 17-ти-градус-

Лазаретъ казанскаго дворянства. По фот. авт. «Нивы».

Кухня 11-го сиб. военно-санитарнаго поѣзда имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны. По фот. авт. «Нивы».

ный морозъ, полегъ на голомъ снѣгу—притупили всѣ наши чувства, кромѣ одного—любви къ далекой дорогой Россіи, въ которой, конечно, осуждаютъ насъ за то, что мы только держимся, а не идемъ сами впередъ, что не даемъ вамъ побѣды. Но если мы пока не можемъ побѣдить, то сумѣемъ умереть».

Такимъ скорбнымъ аккордомъ заканчивалась телеграмма г. Толузакова, посланная въ 3 часа ночи съ позиціи у Баньяпузы, но къ утру къ нимъ успѣли подойти свѣжія подкрѣпленія, съ помощью которыхъ былъ отбитъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ атакъ.

При отступленіи съ Далинскаго перевала, другой отрядъ долженъ былъ выносить на себѣ непосильную тяжесть вражескаго натиска, не смѣя отступить, пока не будутъ вывезены изъ деревни Солунья интендантскіе запасы и пока артиллерія и обозы не достигнутъ безопаснаго пункта. Наконецъ, уже вечеромъ, приходитъ извѣстіе, что обозы въ безопасности. Отрядъ начинаетъ отходить при страшной выюгѣ и слышитъ уже въ своемъ тылу громъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, означающихъ, что на линіи отступленія уже находятся японцы.

«Для насъ стало яснымъ,—разсказываетъ дальше г. Толузаковъ,— что мы рискуемъ быть отрѣзанными и тогда придется пробиваться. Что пережили мы въ эту страшную ночь, объ этомъ говорить не буду, каждый пойметъ самъ. Только спокойствіе и хладнокровіе началъ-

тани, который на шесть верстъ сѣверо-восточнѣе Тинсхоли. Это движеніе выручило наши войска, едва успѣвши отбивать атаки противника, и дало возможность войти въ боевую связь обоимъ отрядамъ. Въ 10 часовъ утра непріятельская батарея учулила огонь, доведя его до максимума, подготавливая атаку. Последняя была произведена одновременно и на позиціи у Убаньюпузы и на сосѣднѣи. Въ 12 час. 20 мин. японцамъ удалось, несмотря на отчаянное сопротивленіе, взять такъ-называемую Ключевую сопку, такъ какъ выяснилось, что у насъ почти не осталось патроновъ, которые опоздали намъ выслать; въ резервѣ мы имѣли только двѣ роты при знаменахъ. Было для всѣхъ очевидно, что наступили послѣднія минуты борьбы и нужно умирать; солдаты были угрюмы и сосредоточены; въ эту тяжелую для насъ минуту появился на позиціяхъ священникъ о. Николай Архангельскій въ облаченіи; солдаты благоговѣнно стали подходить къ кресту, послѣ чего генералъ Алиевъ съ распушенными знаменами и оркестромъ музыки повелъ ибнн и послѣдній резервъ въ атаку на Ключевую. Не доходя 20 сажень до нея, находится другая сопка, которую намъ удалось отбить и поставить тамъ знамена. Такимъ образомъ появилось названіе сопки Знаменной. Непріятель настолько, видимо, былъ утомленъ, что не имѣлъ силъ перейти въ контръ-атаку, и бой на время затихъ.

Но только на время. Давъ передохнуть войскамъ 15 минутъ, ге-

Профессоръ Цеге фонъ-Мантеифель.

На позиціи въ деревнѣ Гѣдзяпу. Летучій отрядъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. По фот. авт. «Нивы».

ника спасало и поддерживало всѣхъ. Мы шли пѣшкомъ, голодные и усталые: кони и запасы не успѣли подойти къ намъ и находились въ тылу; спотыкаясь на каждомъ шагѣ, мы наткнулись въ темнотѣ на походную кухню, при которой были убиты кони; начальникъ приказалъ не оставлять противнику кухни и везти солдатамъ на себѣ. Восточныя вершины горы по временамъ освѣщались, словно зарницей, отъ разрывовъ шрапнелей. Подходя къ Убаньюпузы, нашъ арьергардъ пристроился къ отступающимъ войскамъ, и намъ удалось послѣ штыкового боя отбросить противника версты на три отъ деревни. Путь былъ снова свободенъ, и мы размѣстились на позиціяхъ у деревни Убаньюпузы. Ночью на 14-е, японцы снова перешли въ наступленіе съ Сандалинскаго перевала на Убаньюпузы, но были отбиты съ большими потерями. Въ 3 часа противникъ незаметно подошелъ къ батарее, пользуясь снѣжной выюгой и темнотой ночи, открылъ ружейный огонь, чѣмъ сразу обнаружилъ себя, давъ возможность нашей артиллеріи стрѣлять въ него шрапнелью съ установкой трубки на картечь. Противникъ снова отступилъ».

Замѣчательнѣе всего, что въ этой войнѣ неудачи какъ-будто бы нисколько не ослабляютъ враговъ. Отбитые десять разъ подъ рядъ, они снова и снова начинаютъ свои безумныя атаки, нисколько не смущаясь понесенными потерями, не считая своихъ павшихъ. Такая рѣшительная атака была повторена японцами противъ нашихъ позицій у деревни Убаньюпузы съ разсвѣтомъ 17-го февраля.

Встрѣченный жестокимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, противникъ повернулъ назадъ, устлая южные скаты горъ своими трупами. Въ это время нашему сосѣднему отряду удалось немного продвинуться впередъ съ Тинсхолинскаго перевала и занять командующую высоту надъ его расположеніемъ къ западу отъ Тамагу-

нераль Алиевъ снова повелъ ихъ въ атаку на Ключевую сопку. Противникъ былъ сбитъ и отступилъ съ большими потерями, но, поддержанный резервами, самъ перешелъ въ наступленіе. Японцы начали подыматься вверхъ, покрывая своей чернотой бѣлые склоны Ключевой сопки. Наши стрѣляютъ по нимъ залпами, сберегая послѣдніе патроны. Вотъ японцы бросились въ штыки. На минуту обійръ ревъ. Передніе ворвались въ окопы, оттуда послышалось и точно оборвалось нѣсколько воплей. Мы были отброшены на Знаменную сопку и дальнѣйшее движеніе противника остановили только ударомъ въ штыки. Въ 6 часовъ были доставлены запоздавшіе патроны и снаряды, и мы получили возможность сконцентрировать огонь нашихъ батарей по Ключевой сопкѣ. Японцы несли страшныя потери, но удержались на позиціяхъ, хотя саперную работу прекратили. Чуть только покажется непріятель съ лопатой, какъ сейчасъ же шрапнельный огонь нѣсколькихъ очередей кладезь его на мѣстѣ. Только что получили донесеніе, что сосѣдній отрядъ былъ атакованъ противникомъ, при чемъ временно отрѣзанный японцами одинъ нашъ полкъ отшибъ ихъ и съмаху отнялъ три сопки непріятельской позиціи. Въ другомъ отрядѣ идетъ незначительная перестрѣлка на Тинсхолинскомъ перевалѣ.

Ненадолго замолкаютъ выстрѣлы, не долго отдыхаютъ отъ своей кровавой работы и русскіе, и японскіе стрѣлки. Ночью, усталые послѣ жаркаго боя солдаты устывали шумъ работъ, производимыхъ противникомъ на занятой имъ Ключевой сопкѣ. Нѣскольکو чело-вѣкъ-охотниковъ подползли на 20 шаговъ къ японцамъ и были крайне удивлены, увидѣвъ брустверъ изъ трущовъ противника; объ этомъ было сообщено нашей полевой батарее, и она немедленно открыла огонь по Ключевой сопкѣ. Вскорѣ затрещала ружейная перестрѣлка, которая временами то стихала, то снова разгоралась.

Командир 9-го тобольского сиб. стр. пех. полка А. А. Душевич, награжден за выдающиеся храбрость орд. св. Владимира 3-й ст. с мечами, золот. оружием с надп. за храбрость и орд. св. Георгия 4-й ст.; ранен 2 раза.

Подполковник 140-го зарайского пех. полка Ф. П. Сальков, контуженный под Мукденом и скончавшийся 21-го января с. г.

Капитан 215-го бузулукского пех. полка Ф. А. Щерба, убитый в бою под Ляояном.

Капитан 11-го пех. сиб. полка В. В. Капаневич, убитый в бою на Путиловской сопке.

Капитан 137-го ибжинского полка В. В. Пассацик, скончавшийся от ран, полученных в бою под Ляояном.

Капитан 18-го вост.-сиб. стр. полка П. А. Савицкий, раненый и контуженный в бою на Янтуниманских высотах.

Капитан 147-го пех. самарского полка А. А. Иванов, раненый и контуженный в бою на Янтуниманских высотах.

Штабс-капитан 123-го козловского пех. полка А. В. Клевцов, убитый в бою 29-го октября.

Полковой адъютант 33-го пех. елецкого полка штабс-капитан М. М. Микнев, убитый в бою под Ляояном.

Штабс-капитан 24-го вост.-сиб. стр. полка В. Ф. Засядко, скончавшийся от ран, полученных в бою под Ляояном.

Штабс-капитан 34-го вост.-сиб. стр. полка К. В. Черепанов, контуженный в бою под Ляояном.

Поручик 10-го омского сиб. пех. полка Л. Д. Комилов, убитый в бою под Ляояном.

Поручик 8-го томского полка Д. Х. Ярошевский, убитый под Дашинчао.

Полковой адъютант поручик 21-го восточ.-сиб. стр. полка Ф. Е. Егоров, убитый в бою при сел. Куангайцзы.

Поручик 123-го козловского пех. полка Н. И. Стуленовский, скончавшийся от ран 24 августа 1904 г.

Поручик 4-го вост.-сиб. стрел. полка А. А. Безмудбенно, контуженный в голову в бою под Ляояном и вторично ранен под Бандену.

Поручик 219-го юхновского полка М. А. Добров, раненый при дер. Ченглаунтань.

Поручик 147-го самарского пех. полка Ю. К. Пеньковский, раненый 10-го октября.

Подпоручик 33-го елецкого пех. полка Ю. Козлов, убитый в бою под Ляояном.

Подпоручик 220-го ефифанского пех. полка Е. Л. Вакуленко, убитый под Мукденом 1-го октября.

Подпоручик 11-го пех. псковского полка Ф. А. Краснозидов, убитый при дер. Ши-ли-хе.

Подпоручик 31-го вост.-сиб. стр. полка Г. Ф. Поталов, убитый 29-го сентября т. г.

Подпоручик 5-го иркутского полка В. И. Водинский, раненый 30-го сентября в бою под Мукденом и скончавшийся 4-го ноября от тифа.

Подпоручик 139-го моршанского пех. полка П. А. Нерт, раненый 29-го сентября под Мукденом.

Подпоручик 88-го петровского полка Н. А. Давыдов, раненый Путиловской сопки при дер. Сахань.

Подпоручик 85-го выборгского полка А. Н. Блудков, раненый при Шахэ.

Хорунжий 5-го сиб. казачьего полка Н. А. Леонтьев, смертельно раненый хунхузами у дер. Фихунча 13-го ноября.

Фейерверкер из волюнопреляющихся 5-й вост.-сиб. стр. арт. бригады С. В. Жеденев, награжден за отличие в бою при Ляоян орд. св. Георгия 4-й ст. и произведенный в прапорщики.

Так продолжалось до 8 часов вечера 18-го февраля, когда отдохнувшие японцы атаковали наши центральные позиции у деревни Убанягуза; мы не узнали своего яростного противника, так висло, словно машинально, он подвигался вперед, повидимому его энергия и храбрость разбились о нашу решимость скорей всем умереть, чем оставить наши позиции; на них мы уложили уже несколько тысяч солдат и 100 офицеров; эти павшие товарищи-герои свято и честно исполнили свой долг, и мы нравственно обязаны перед ними довести дело до конца, и атака была отбита с большим уроном для противника. В десять часов утра и в три часа дня она повторялась, но с теми же результатами, как и раньше. В 5 часов дня, после чрезвычайно сильного артиллерийского огня, японцы снова перешли в наступление на Знаменную сопку и на этот раз, подбодренные обнаженными пашками своих офицеров и получив свежие подкрепления, японцы стремительно бросились вперед, начался неравный штыковой бой, но в эту решительную минуту во-время подоспел

правого фланга полосой между Хунхэ и Ляохэ. В виду этого приказано было отходить за реку в полном порядке. С большими душами отошли назад стрельки, все время идя с боем. 16-го февраля японцы, получив значительные подкрепления, повели наступление на Сюлингуза. Против правого фланга соседнего корпуса тоже шли непрерывные атаки, главным образом против Сантаицы и Тоутайцы. С отходом правого флангового корпуса стрельки, эта позиция оказывалась сильно выдвинутой вперед. Заметьте это, японцы сделали поворот фронта к реке и стали поражать корпус сильным фланговым огнем. Начались большие и по существу бесполезные потери. Тогда командующий второй армией приказал сводной дивизии под командой генерала Клембатовского перейти немедленно в наступление и занять деревни Пейтхоу и Сайтхайза, так как одна из колонн противника берегом речушки Сихэ заняла последнюю деревню. Как на парад, развернулись три полка. Стройно и удивительно красиво развернулись и двинулись вперед замостьской и бузудукской полки. В это время

Новый главнокомандующий генерал-отъ-инфантерій Н. П. Линевищ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, въ Хабаровскѣ. По фот. авт. «Нивы».

начальник нашего авангарда генералъ Алиевъ съ двумя резервными ротами, которые смяли и отбросили назадъ противника.

Съ такимъ же неуспѣхомъ японцы повторили рядъ новыхъ приступовъ 18-го, 19-го, 20-го, 21-го и 22-го февраля.

Въ общей сложности лѣвое крыло русской арміи отбило уже 120 частичныхъ атакъ—цифры небывалыя въ исторіи всемирныхъ войнъ.

На самомъ крайнемъ восточномъ флангѣ генералъ Даниловъ, воспользовавшись моментомъ нравственнаго или волевого превосходства надъ японцами, удачно перешелъ въ наступление и продвинулся своимъ правымъ флангомъ впередъ, захвативъ послѣ штыковой работы ихъ окопы.

Событія, происшедшія въ восточномъ отрядѣ, представляютъ собою, однако, только одинъ изъ актовъ той грандіозной кровавой драмы, которая разыгралась на огромной площади вокругъ манчжурской столицы, при участіи почти-что миллиона героевъ. Захватъ японцами Далинскаго перевала послужилъ для маршала Оямы сигналомъ къ общему наступленію по всему фронту. Атаки противъ Путиловской и Новгородской сопки, поддержанныя страшнымъ огнемъ 11-тидюймовыхъ орудій, несмотря на свою ожесточенность, имѣли скорѣе демонстративное значеніе и были отбиты защитниками, зато правый флангъ нашъ пострадалъ болѣе существенно. Начиная съ 15-го февраля, здѣсь произошелъ рядъ серьезныхъ столкновений. Замѣтившіе 1-й корпусъ полки подпускали японцевъ на 200 шаговъ къ окопамъ и встрѣчали залпами почти въ упоръ, отчего вскорѣ образовались цѣлыя груды труповъ. Къ вечеру всѣ атаки были отбиты, но въ это же время получилось свѣдѣніе, что четыре японскія колонны двигаются въ обходъ нашего

изъ-за песчаныхъ бугровъ деревень показались пять батарей, изъ нихъ двѣ стрѣляли шимозами. Огонь, открытый ими, былъ ужасенъ, но полки короткими перебѣжками двигались безостановочно. Въ 6 часовъ вечера замостьцы ворвались въ Пейтхоу, не спавшіе пять сутокъ бузудукцы—въ Сайтхайзу. Послѣ упорнаго боя взято было 7 пулеметовъ и 300 человекъ плѣнныхъ.

Между тѣмъ, обходная колонна японцевъ, двигаясь по Монголіи вдоль синминтинской жел. дор., успѣла завладѣть Синминтиномъ и стала угрожать Мукидену съ сѣверо-запада.

На синминтинъ-мукиденской дорогѣ японцы были встрѣчены бригадой генерала Биргера.

Задержавъ наступленіе отъ Синминтина, генералъ Куропаткинъ быстро сосредоточилъ въ этомъ наиболѣе опасномъ пунктѣ значительныя силы. Благодаря притоку подкрѣпленій сопротивленіе русскихъ возрастало съ каждымъ часомъ. 21-го февраля наши войска уже тѣснили японцевъ, сами переходя въ наступленіе въ районѣ Ташичао, отбирая штурмами деревню за деревней, изображающія собою цѣлыя укрѣпленія. Непріятель нѣсколько разъ отступалъ въ беспорядкѣ и тогда несъ большія потери, усыпавъ трупами путь отступленія, но также происходили рукопашные бои на улицахъ и въ фанзахъ селенія. Мы взяли нѣсколько пулеметовъ и много плѣнныхъ.

Ожнѣ Мукидена стоялъ подъ начальствомъ генерала Церпицкаго 10-й корпусъ. 22-го февраля ему пришлось выдержать стремительный натискъ японцевъ. Атаки повторялись почти каждые два часа до самаго вечера и все съ новыми силами. Здѣсь участвовало около двухсотъ орудій непріятели и около пятидесяти тысячъ войскъ. Всѣ атаки были отбиты съ громадными потерями.

Въ некоторыхъ мѣстахъ наши войска устраивали брустверы изъ японскихъ труповъ, обсыпая ихъ немного землею. Потери наши также громадны. Одна весьма важная позиция переходила нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, но ни одна сторона не могла удержать ее. Наконецъ, генераль Церпицкій, верхомъ, повелъ въ атаку одинъ полкъ съ музыкой и развернутымъ знаменемъ. Солдаты цѣловали его руки и ноги, взяли позицию и удержали ее.

Наибольшій нажимъ японцевъ сосредоточился на треугольныхъ Янсантунь, Улиму и Эльтхайза. Въ этомъ районѣ отдѣльныя деревни переходили изъ рукъ въ руки. За то въ районѣ Ташичао мы принуждены были податься нѣсколько назадъ съ захваченныхъ наканунѣ позиций. Благоприятный ходъ сраженій, удобное отбитіе тысячи атакъ, долговременная задержка обходныхъ войскъ — все это внушало уже многимъ изъ насъ надежду на близкую и полную побѣду, но судьба рѣшила иначе. Маршалъ Ояма почти все свои свободныя силы постепенно стянулъ къ западу отъ Мукдена противъ нашего праваго фланга, вслѣдствіе чего и намъ пришлось сосредоточиваться въ этомъ же районѣ, оставляя южныя позиции и сжигая провiантскіе склады.

Пока не пришло приказаніе отступать, мы было успѣшно отстаивали свои позиции, нанося врагу огромный уронъ. Японская армія таяла и истекала кровью въ бесплодныхъ атакахъ, билась о наши укрѣпленія, засыпая тысячами труповъ склоны горъ, волчьи ямы и проволочныя загражденія. На восточномъ фронтѣ Линевиичъ, отразивъ множество атакъ, успѣлъ перейти въ наступленіе и нанести чувствительное поражение генералу Куроки, отодвинувъ его разбитые и преслѣдуемые полки на нѣсколько миль, къ югу.

Стойко держались наши корпуса и въ центрѣ, и на юго-западномъ фронтѣ, удачно выполнивъ загибъ своего праваго фланга въ виду обходнаго движенія неприятеля. Но неудача на крайнемъ правомъ крылѣ свела къ нулю всѣ итоги частныхъ тактическихъ побѣдъ, всѣ подвиги мужества и самоотверженія. Глубокой кружной обходъ, предпринятый маршаломъ Оямой съ запада, по нейтральной территории былъ остановленъ слишкомъ поздно. Попытка отбросить японскую колонну назадъ къ Синминтуну, предпринятая генераломъ Куропаткинымъ, не удалась: хотя рядъ мелкихъ деревень былъ захваченъ нами, но волна русскаго наступленія дошла только до Ташичао и разбилась объ укрѣпленія, которыя японцы успѣли соорудить въ этомъ пунктѣ. Одновременно было получено извѣстіе, что другія обходныя японскія колонны появились еще дальше на сѣверъ и, перейдя линію дороги, перервали тыловыя сообщенія всей манчжурской арміи. Здѣсь былъ стратегическій ключъ японской побѣды.

При неизвѣстности относительно количества неприятельскихъ силъ, зашедшихъ къ намъ въ тылъ, при невозможности опрокинуть колонну, угрожавшую нашему флангу изъ Ташичао, чтобы отрѣзать такимъ образомъ болѣе сѣверные отряды отъ сооб-

щенія съ ихъ базой — положеніе нашей арміи становилось критическимъ.

По словамъ корреспондента «Нов. Вр.» г. Таурно, вдругъ получились одновременно два извѣстія: японцы на Хунхэ, воспользовавшись ураганомъ, душимъ тамъ намъ въ лицо, восточнѣе Фулина прорвались черезъ нашу линію, найдя здѣсь наиболее слабое мѣсто, и другое — что одна колонна неприятеля движется въ обходъ нашего праваго фланга. Такимъ образомъ съ одной стороны намъ грозила опасность имѣть путь отступленія отрѣзаннымъ, а съ другой — обходъ. Принять дѣйствительныя мѣры одновременно противъ этихъ двухъ угрозъ не представлялось возможнымъ, и въ восемь часовъ вечера было дано приказаніе отступить на Телинь.

По четыремъ дорогамъ потянулись грозные по своей величинѣ наши обозы. Войска Церпицкаго съ крайняго пункта на юго-западѣ стали медленно въ порядкѣ отступать. Двадцать пятаго Куропаткинъ удачно сдерживалъ неприятеля, стремившагося къ желѣзной дорогѣ. Утромъ этого дня, на высотѣ развѣзда нумеръ 97, восточнѣе Мандаринской дороги, появилось, какъ теперь выяснилось, не болѣе одного эскадрона японцевъ съ четырьмя горными орудіями, изъ которыхъ открыли огонь по нашимъ обозамъ, и обозная команда, вообще не привыкшая къ звуку шимозъ, которыя въ сущности никакого вреда не принесли, начала покидать повозки, фуры, арбы, словомъ воцарился беспорядокъ, который усиливало присутствіе частныхъ лицъ, отступающихъ со своимъ скарбомъ. Этимъ теченіемъ была увлечена даже часть прислуги отступавшей здѣсь артиллеріи. Неприятель скоро прекратилъ огонь изъ орудій, потому что, какъ рассказываютъ прибывшіе сюда сегодня китайцы, у него не было больше снарядовъ.

Все силы и усилія японцы сосредоточивали къ сѣверу. Главная тяжесть ихъ обходнаго удара обрушилась на наше прикрытіе, состоявшее изъ войскъ генерала Лауница.

26-го февраля поле передъ Телиномъ представляло собою кишачье людьми и лошадьми пространство, прибывали части цѣлыми составами и отдѣльными партіями. 27-го уже этотъ муравейникъ изрядно порѣдѣлъ, войска уходили на позиции съ пѣнами.

Армія съ нашего лѣваго фланга, во главѣ съ генераломъ Линевиичемъ, отступила въ полномъ порядкѣ и даже, отступая, наносила уронъ неприятелю.

Отступленіе такой громадной арміи при отсутствіи достаточнаго количества дорогъ не могло совершиться безъ большихъ матеріальныхъ потерь. Все раненые, около 47-ми тысячъ, за исключеніемъ тысячи тяжело раненыхъ, которые не вынесли бы перевозки, были вывезены по желѣзной дорогѣ, вѣроятно этимъ же путемъ заблаговременно вывозилась и артиллерія, особенно тяжелая, тѣмъ не менѣе всѣхъ орудій и боевыхъ запасовъ увезти не успѣли, многое досталось японцамъ вмѣстѣ съ запасами провiанта, облегчив-

Нападеніе русскаго отряда на японскій конвой, сопровождавшій обозъ, у дер. Сандепу.

Рис. Ф. Матанія.

шими врагу преслѣдованіе нашей арміи. Точная цифра нашихъ матеріальныхъ потерь пока еще неизвѣстна.

По стратегическимъ соображеніямъ Телинъ былъ тоже оставленъ. Маршалъ Ояма перенесъ туда свою главную квартиру и энергично продолжалъ преслѣдованіе свѣжими войсками, не участвовавшими въ сраженіи подъ Мукденомъ. Во время этого сраженія значительная колонна японскихъ войскъ, тысячъ въ 40—50, была двинута обходными путями прямо къ Телину вдоль лѣваго берега Ляохэ. Возможность отдѣленія такого значительнаго отряда сама по себѣ указываетъ уже на огромное численное превосходство японской арміи надъ русской. Если бы она успѣла выйти на линію нашего отступленія за день, за два, это могло бы привести насъ къ полной катастрофѣ, но къ счастью маршалъ Ояма держалъ ее, какъ заслонъ, противъ нашего телинскаго гарнизона, о численности и наступательныхъ намѣреніяхъ котораго имѣлъ преувеличенныя свѣдѣнія. Покажемъ наше отступленіе къ сѣверу совершается вполне благополучно. Средній маршъ въ день не превышаетъ 30 верстъ. Армія на ходу усиливается свѣжими подкрѣпленіями, которые несутъ службу въ аррьергардѣ, замѣняя усталыхъ. 4-го и 7-го марта истомленнымъ войскамъ была дана дневка. Судя по этимъ признакамъ, можно надѣяться, что критическій моментъ уже миновалъ. Въ то время какъ наша армія съ каждымъ шагомъ къ сѣверу растетъ отъ притока новыхъ подкрѣпленій, японская, и безъ того ослабленная огромными потерями подъ Мукденомъ, повидимому превышающіи и наши потери, отдаляясь отъ базы, становится менѣе сильной.

Переодѣтые китайцами японцы-лазутчики, захваченные казаками. Казакъ показываетъ приязную косу лазутчика.

* * *

Ой, не въ пору мы гусли настроили,
Не ко времени пѣсню наладили!
Насъ народъ честной не послушаетъ,
Онъ пѣвцамъ-гуслирамъ не поклонится.
Какъ настала пора непогодная:
Изъ-за моря взошла туча черная—
На полъ-міра кругомъ пораскинулася,
На родимый нашъ край она двинулася..
Тамъ, въ странѣ чуждой, на краю земли
За святую Русь бьются витязи—
Свищутъ стрѣлы и копыя ихъ ратныя,
И звенять ихъ доспѣхи булатные...

То не дождь шумить, не ручей бѣжитъ—
Льется крови рѣка, рѣка алая,
По сырой землѣ разливается,
Въ кровяное море стекается..
Ой, замолкните, пѣсни завѣтныя!
Ой, разбейтесь вы, гусли звончатя!
Наши пѣсни теперь не ко времени..
Пусть за насъ запоютъ стрѣлы ратныя,
Пусть мечи зазвенятъ богатырскіе,
Пусть споютъ они пѣсни могучія:
Тѣмъ, кто палъ въ бою—погребальныя,
Кто въ бою устоялъ—величальныя!

Б. Никонъ.

Н. П. Линеви́чъ. (Рис. на стр. 217).

Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству отъ 4-го марта назначенъ новый главнокомандующій всѣми сухопутными и морскими силами—генералъ-отъ-инфантеріи, Николай Петровичъ Линеви́чъ, командовавшій до той поры, какъ извѣстно, 1-й манчжур-

ской арміей, во главѣ которой на смѣну ему поставленъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ.

Имя маститаго ветерана китайской войны, успѣвшаго съ блестящей стороны зарекомендовать себя и въ теченіе нынѣшней войны, чрезвычайно популярно въ войскахъ и хорошо извѣстно въ Россіи.

Н. П. Линеви́чъ родился въ 1838 г. въ Черниговской губерніи; воспитаніе получилъ въ черниговской гимназій, а затѣмъ прямо поступилъ на военную службу юнкеромъ (въ 34-й пѣхотный свѣсній полкъ).

Вскорѣ по вступленіи на службу Н. П. Линеви́чу пришлось принять участіе во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ на Кавказѣ, и онъ пробылъ тамъ среди непрерывной боевой обстановки до 1864 г. Позднѣе онъ, кромѣ того, принималъ участіе и въ покореніи западнаго Кавказа.

Когда началась война 1877—78 гг., Н. П. Линеви́чъ, командуя 2-мъ кавказскимъ стрѣлковымъ батальономъ, совершилъ походъ на

азиатскомъ театрѣ войны. Здѣсь онъ участвовалъ во многихъ жаркихъ бояхъ и во время штурма Цихисъ-Дзирскихъ высотъ получилъ тяжкую рану въ ногу, благодаря которой онъ до сихъ поръ прихрамываетъ и ходитъ съ тростью.

Въ 1891 году Н. П. Линеви́чъ былъ произведенъ въ первый генеральскій чинъ, а спустя 4 года получилъ назначеніе на Дальній Востокъ въ качествѣ командующаго войсками южно-уссурійскаго отдѣла приамурскаго военного округа. Здѣсь онъ выказалъ особенно значительную и полезную дѣятельность при развертываніи и устройствѣ восточно-сибирскихъ стрѣ-

лковыхъ полковъ.

Всѣмъ извѣстно, какую блестящую роль сыгралъ затѣмъ Н. П. Линеви́чъ въ усмиреніи вспыхнушаго въ 1899 году боксерскаго возстанія. Возстаніе это завершилось осадой иностранныхъ посольствъ въ Пекинѣ, и, вотъ, тогда-то Н. П. со своимъ корпусомъ двинулся во главѣ печилійскаго отряда на Пекинъ и послѣ ряда удачныхъ боевыхъ дѣлъ вступилъ въ китайскую столицу и освободилъ осажденныя посольства.

Въ 1903 году послѣдовало назначеніе Н. П. Линеви́ча командующимъ войсками приамурскаго военного округа, а когда вспыхнула русско-японская война, маститый генералъ почти съ самаго же открытія военныхъ дѣйствій принялъ въ нихъ дѣятельное участіе. А въ октябрѣ 1904 года состоялось его назначеніе на должность командующаго 1-й манчжурской арміей.

Во главѣ этой арміи Н. П. Линеви́чъ блестяще выдержалъ страшную мукденскую битву. Во время мукденскаго погрома не пострадала одна лишь первая армія. Она не уступила ни пяди своихъ позицій, и, когда было рѣшено отступленіе, Н. П. Линеви́чъ отступилъ въ величайшемъ порядкѣ, нанося неприятелю уронъ. По отзыву корреспондентовъ, «полки арміи Линеви́ча стройно, съ пѣніемъ вошли въ Телинъ, не потерявъ ни одного отсталого». Не только ни одно орудіе не было оставлено японцамъ, но, наоборотъ, было захвачено 7 японскихъ пулеметовъ и 400 пѣхотныхъ. Такимъ образомъ, Линеви́чъ со своей арміей, безусловно, спасъ честь русскаго оружія въ эти тяжкіе для Россіи дни.

Своими прекрасными боевыми качествами 1-я армія всецѣло обязана заботамъ и организаторскому таланту Н. П. Линеви́ча. Насколько онъ талантливъ въ этомъ отношеніи и заботливъ къ войскамъ, видно, хотя бы, изъ слѣдующихъ фактовъ.

Когда Н. П. командовалъ войсками южно-уссурійскаго отдѣла, онъ на смотрѣхъ повѣрялъ лично каждому человѣку отдѣльно. Онъ знакомился съ каждымъ изъ стрѣлковъ, и хотя многіе въ душѣ бранили «надождливаго» генерала за его безконечныя смотры, но результатомъ оказалось то, что сибирскіе стрѣлки приобрѣли славу лучшихъ солдатъ въ Сибири.

До Н. П. Линеви́ча наши батальоны на Востокѣ представляли собою скорѣе рабочія команды, чѣмъ боевыя части. У войскъ почти не было обозовъ, и много времени уходило на заготовленіе солдатскими руками дровъ, сѣна, овощей, на постройку казармъ

и пр. Н. П. Линевиць устранилъ эту ненормальность, и войска стали войсками, а не рабочими командами.

Н. П. Линевиць высоко цѣнитъ частную инициативу. Такъ, однажды одинъ изъ офицеровъ на свой страхъ и рискъ, не спросивъ начальства, выстроилъ въ Тянь-Цзинѣ казармы особаго легкаго типа. Ближайшее начальство увидѣло въ этомъ умаленіе своего престижа, но начальникъ печилійскаго отряда, генераль Линевиць, увидѣвъ хорошо и дешево выстроенное помѣщеніе, выразилъ молодому офицеру вмѣсто порицанія свою благодарность и при этомъ привелъ, какъ примѣръ частнаго почина, свою собственную рѣшимость идти на Пекинъ, хотя это и вызвало опасенія.

Несмотря на свою требовательность къ подчиненнымъ, генераль Линевиць очень сердечно относится къ ихъ частнымъ нуждамъ и пользуется глубочайшей симпатіей и довѣріемъ съ ихъ стороны. Недаромъ его въ войскахъ зовутъ: «папаша Линевиць», прекрасно характеризуй этимъ его чисто отеческія отношенія къ солдатамъ и офицерамъ.

А. В. Бельгардъ. (Портр. на этой стр.)

19-го февраля т. г. послѣдовало, наконецъ, давно ожидавшееся назначеніе новаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. На этотъ постъ призванъ эстляндскій губернаторъ, камергеръ Двора Его Величества, д. с. с. Алексій Валеріановичъ Бельгардъ.

А. В. Бельгардъ имѣетъ за собою широкій опытъ въ вопросѣ о положеніи нашей печати. Съ ея состояніемъ и ея нуждами онъ успѣлъ прекрасно ознакомиться еще пять лѣтъ тому назадъ, когда занималъ должность члена совѣта того же самаго главнаго управленія по дѣламъ печати, въ которое онъ вступаетъ теперь въ качествѣ начальника. Такимъ образомъ, А. В. Бельгардъ является вполне своимъ человѣкомъ въ томъ вѣдомствѣ, которое управляетъ у насъ печатью.

А. В. Бельгардъ происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода и родился въ 1860 г. Воспитаніе свое онъ получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія, курсъ котораго окончилъ въ 1883 г. Немедленно по окончаніи учебнаго курса онъ вступилъ на службу по министерству юстиціи, начавъ ее со скромной должности кандидата на судебныя должности при прокурорѣ с.-петербургской судебной палаты. Спустя два года, А. В. Бельгардъ былъ назначенъ исправляющимъ должность секретаря при той же палатѣ, а въ 1886 г. уже занялъ мѣсто товарища лифляндскаго губернскаго прокурора.

Прекрасныя способности А. В. Бельгарда и его выдающіяся знанія, какъ юриста, обратили на него вниманіе высшей власти, и ему было предложено принять участіе въ комиссіи по введенію судебныхъ преобразованій въ прибалтійскомъ краѣ. По окончаніи занятій этой комиссіи, А. В. Бельгардъ былъ назначенъ въ 1889 г. товарищемъ прокурора рижскаго окружнаго суда. Однако пробывъ онъ въ этой должности недолго и вышелъ затѣмъ въ отставку.

Но любовь и привычка къ государственной службѣ и желаніе примѣнить болѣе продуктивно свои силы и способности, понудили А. В. Бельгарда снова вступить въ ряды государственныхъ служебныхъ дѣателей: въ 1893 г. онъ опять опредѣлился на службу, но на этотъ разъ уже по другому вѣдомству — по министерству внутреннихъ дѣлъ. Онъ получилъ назначеніе на должность управляющаго канцеляріей московскаго оберъ-полицеймейстера и оставался на этомъ посту до 1900 г., а затѣмъ былъ назначенъ въ члены совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ томъ же году

А. В. Бельгардъ получилъ званіе камергера Двора Его Величества. Въ слѣдующемъ году на А. В. было возложено предсѣдательствованіе въ комитетѣ, образованномъ для наблюденія за дѣятельностью Россійскаго телеграфнаго агентства.

Нѣсколько позднѣе А. В. Бельгардъ получилъ въ свои руки должность лифляндскаго вице-губернатора, а въ 1902 г. призванъ былъ къ исправленію обязанностей эстляндскаго губернатора. Въ этой должности онъ былъ утвержденъ лишь въ прошломъ году и занималъ ее, какъ мы видимъ, недолго, перейдя теперь на новый, важный и отвѣтственный постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ бытность свою въ Ревелѣ А. В. Бельгардъ приобрѣлъ глубокія симпатіи населенія. Это въ особенности сказалось на проводахъ А. В., устроенныхъ ему при отъѣздѣ изъ Ревели 2-го марта. На всемъ протяженіи отъ Вышгорода до вокзала шпалерами выстроились манифестанты. Двѣнадцатитысячная толпа съ флагами, съ разноцвѣтными фонарями и криками «ура» провожала отъѣзжающаго на вокзалъ. Собравшіеся члены администраціи, представители городского управленія, рабочіе, депутаты эстонской печати въ рѣчахъ чествовали А. В. Бельгарда, какъ представителя русской власти, умѣвшаго примирять интересы различныхъ національностей. Въ частности, рабочіе благодарили Бельгарда за доброжелательное посредничество въ теченіе послѣдней стачки. Отходъ поѣзда сопровождался бурными манифестациями.

Наша печать переживаетъ теперь крупный кризисъ. Въ грядущемъ ей предстоитъ важныя облегченія, и положеніе ея должно существенно измѣниться. Какъ и всякое новое дѣло, обновленное дѣло управленія печати требуетъ новыхъ людей, и такимъ новымъ человѣкомъ и, притомъ, человѣкомъ безусловно опытнымъ, знающимъ и всесторонне образованнымъ является А. В. Бельгардъ. И дай Богъ, чтобы начинъ его въ новомъ дѣлѣ былъ легокъ и привелъ нашу печать къ доброму и славному житію.

Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати А. В. Бельгардъ.
По фот. авт. «Нивы».

СМѢСЬ.

Опера въ Народномъ Домѣ.—Попечительство о народной трезвости въ Петербургѣ начало прекрасное, полезное дѣло, отдавъ сцену Народнаго Дома оперному товариществу. задумавшему ставить только отечественную оперу. Начавъ свою дѣятельность за два мѣсяца до поста, товарищество за этотъ, сравнительно короткий срокъ, успѣло поставить семь крупнѣйшихъ произведеній русской оперной литературы. Въ репертуаръ вошли: «Жизнь за Царя», «Русланъ и Людмила» — Глинки, «Русалка» — Даргомыжскаго, «Демонъ» —

Рубинштейна, «Евгеній Онѣгинъ», «Пиковая Дама» — Чайковскаго и «Сибгурочка» — Римскаго-Корсакова. Все эти произведенія нашихъ отечественныхъ композиторовъ были исполнены вполне прилично, увѣренно, ровно, при чемъ все вниманіе зѣвущаго художественной частью, опытнаго музыкальнаго дѣателя В. С. Баскина было обращено на то, чтобы, не выдѣляя отдѣльныхъ личностей изъ труппы, дать хорошій ансамбль. Каждый изъ артистовъ былъ на мѣстѣ.

Оперу у насъ любятъ — это публика доказала, усердно посѣщая спектакли въ Народномъ Домѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Спектакли имѣли большой успѣхъ. Успѣху, конечно, въ должной мѣрѣ содѣйствовала и прекрасная сценичная обстановка. Декораціи, костюмы, освѣщеніе и все проч. въ Народномъ Домѣ превосходны.

Было бы весьма желательно, чтобы удачная проба оперныхъ спектаклей, возбудившихъ такой интересъ въ публикѣ, не осталась только «пробой» въ Народномъ Домѣ, а послужила бы основаніемъ постоянной національной оперы.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе). — Миниатюры. К. Льдова. — Подъ Мукденемъ. (Отклики войны). — Стихотвореніе Б. Никонова. — Н. П. Линевиць. — А. В. Бельгардъ. — Смѣсь. — Заявленіе. — Объясненія.

РИСУНКИ: Телеграммы съ Дальняго Востока (Въ Тихоновой пустыни, близъ Калуги). — Десятый день. — Св. Сергій Радонежскій. — Наши раненыя въ бою подъ Дашчао.—Группа офицеровъ и фейерверкеры 12 крѣпостной артиллерійской роты. — На Путиловской сопкѣ. «Неприятельный приворокъ». — Морской госпиталь въ Портъ-Артурѣ.—Георгіевскіе кавалеры 3-го сибирскаго армейскаго корпуса. — Группа офицеровъ приморскаго драгунскаго полка. — Способъ перевозки раненыхъ терско-кубанскими казаками.—Первый летучій отрядъ Краснаго Креста.—Часовой и подчасокъ на Уанфулинскомъ перевалѣ.—Раненыя въ баракахъ 2-ой георгіевской общины.—Лазаретъ казанскаго дворянства.—Кухня 11-го сиб. военно-санитарнаго поѣзда имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Теодоровны.—На позиціи въ деревнѣ Годзяну. Летучій отрядъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Теодоровны.—Полковникъ А. А. Душкевичъ. — Подполковникъ Ф. П. Сальковъ. — Капитанъ Ф. А. Щерба.—Капитанъ В. В. Капаневичъ. — Капитанъ В. В. Пассакай. — Капитанъ П. А. Савичъ. — Капитанъ А. А. Ивановъ. — Штабсъ-капитанъ А. В. Клевцовъ. — Штабсъ-капитанъ М. М. Михневъ. — Штабсъ-капитанъ В. Ф. Засядко. — Штабсъ-капитанъ К. В. Черепановъ. — Поручикъ Л. Д. Кончеловъ. — Поручикъ Д. Х. Ярошевскій. — Поручикъ Ф. Е. Егоровъ. — Поручикъ Н. И. Студеневскій. — Поручикъ А. А. Безрубленко. — Поручикъ М. А. Добровъ. — Поручикъ Ю. К. Пенковскій. — Подпоручикъ Ю. Козловъ. — Подпоручикъ Е. Л. Вакуленко. — Подпоручикъ Ф. А. Красновиловъ. — Подпоручикъ Г. Ф. Потаповъ. — Подпоручикъ В. И. Водинскій. — Подпоручикъ П. А. Кертъ. — Подпоручикъ Н. А. Давыдовъ. — Подпоручикъ А. Н. Бѣльцовъ. — Хорунжій Н. А. Леонтьевъ. — Фейерверкеръ С. В. Жеденевъ. — Новый главнокомандующій генераль-отъ-инфантеріи Н. П. Линевиць въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, въ Хабаровскѣ. — Нападеніе русскаго отряда на японскій конвой, сопровождавшій обозъ, у дер. Саиделу.—Передѣтые китайцами, японцы-газутики, захваченные казаками.—А. В. Бельгардъ.

На этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга 3 (конецъ 1 т.).

ЗАЯВЛЕНІЕ. Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№ журнала, Контора «Нивы» проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1905 г., озаботиться своевременными взносами подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки.—Гг. иногородніе подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.